

© Перевод предоставлен российским изданием «Бюллетень Европейского Суда по правам человека» (www.echr.today). Разрешение на публикацию перевода на русский язык дано исключительно для его включения в базу HUDOC Европейского Суда.

© This document was provided by the Russian edition of the *Bulletin of the European Court of Human Rights* (www.echr.today). Permission to re-publish this translation into Russian has been granted for the sole purpose of its inclusion in the Court's database HUDOC.

Сливенко против Латвии

[Slivenko – Latvia] (№ 48321/99)

Постановление от 9 октября 2003 г. [вынесено Большой Палатой]

Обстоятельства дела

Заявительницы – мать и дочь, русские по национальности. Первая заявительница, отец которой был офицером в армии Советского Союза, в возрасте одного месяца вместе со своими родителями переехала жить в Латвию. Она вышла замуж за советского офицера в 1980 году, и в 1981 году родилась вторая заявительница. После того, как Латвия получила независимость, заявительницы были внесены в Регистр жителей Латвии как «граждане бывшего СССР».

В 1994 году муж первой заявительницы, который был уволен с действительной военной службы в том году (в январе 1992 года бывшие советские вооруженные силы перешли под юрисдикцию Российской Федерации), обратился к властям с ходатайством о предоставлении временного вида на жительство в Латвии на том основании, что он состоял в браке с постоянной жительницей Латвии. В ходатайстве ему было отказано на том основании, что он был обязан покинуть Латвию в соответствии с Договором 1994 года о выводе российских войск с территории Латвии¹. В результате, регистрация заявителец в Регистре жителей Латвии была аннулирована. В августе 1996 года было издано распоряжение о высылке из страны всех трех членов семьи Сливенко, муж первой заявительницы впоследствии выехал в Россию.

Заявительницы, однако, обратились в суд с иском, требуя признать незаконность их высылки из Латвии. Суды первой и второй инстанций поддержали их требования, но Верховный суд Латвии отменил эти решения нижестоящих судов и передал дело на рассмотрение Окружного суда. Этот суд тогда постановил, что муж первой заявительницы был обязан выехать из страны, и что решение властей об аннулировании записей о заявительницах в Регистре жителей было вполне законным. Верховный суд Латвии оставил это решение суда в силе.

В октябре 1998 года заявительницы были арестованы и заключены под стражу в центре содержания нелегальных иммигрантов. Они были освобождены из-под стражи на следующий день по распоряжению начальника Управления по делам гражданства и миграции на том основании, что их арест был «преждевременным», так как на действия была подана жалоба в Управление. Однако им позже приказали выехать из страны, и в марте 1999 года вторая заявительница была вновь подвергнута задержанию в течение 30 часов. Обе заявительницы впоследствии выехали в Россию и приняли российское гражданство. Родители первой заявительницы, которые, по ее утверждениям, серьезно больны, остались в Латвии.

Вопросы права

¹ Договор между Российской Федерацией и Латвийской Республикой об условиях, сроках и порядке полного вывода с территории Латвийской Республики Вооруженных Сил Российской Федерации и их правовом положении на период вывода был подписан в Москве 30 апреля 1994 г. и вступил в силу в тот же день (*прим. перев.*).

По поводу Статьи 8 Конвенции. Заявительницы были выдворены от страны, где они сформировали – непрерывно, начиная с рождения, – систему личных, социальных и экономических связей, которые в совокупности составляют частную жизнь человека. Кроме того, они лишились квартиры, в которой они проживали. В этих обстоятельствах, их выдворение из страны образовало акт вмешательства государства в реализацию их права на уважение их частной жизни и жилища. С другой стороны, оспариваемые по делу меры государства не имели своим результатом разрушение семьи, так как высылка касалась всех трех членов семьи Сливенко, а Конвенция не предусматривает права человека выбирать, в какой стране продолжать или восстанавливать семейную жизнь. Кроме того, не существовало никакой «семейной жизни» с родителями первой заявительницы, которые были взрослыми людьми, не принадлежавшими к первичной семье и в отношении которых Европейскому Суду не было продемонстрировано, что они находились на иждивении семьи заявителек. Тем не менее, воздействие оспариваемых по делу мер государства на семейную жизнь заявителек было релевантным фактором при оценке обстоятельств дела с позиций Статьи 8 Конвенции, и связь с родителями первой заявительницы должна была быть принята во внимание в контексте частной жизни.

Что же касается правового основания для высылки заявителек, то следует заметить: утверждение представителя властей Латвии в Европейском Суде о том, что таким основанием было представление первой заявительницей ложной информации при регистрации в Регистре жителей Латвии, не должно приниматься во внимание, так как Европейскому Суду не было продемонстрировано, что латвийские суды руководствовались этим основанием как оправданием высылки.

Главным основанием, на которое ссылается представитель властей Латвии в Европейском Суде, было то, что выдворение заявителек из страны требовалось договором о выводе российских войск с территории Латвии. И хотя этот договор еще не вступил в силу, когда заявительницы были зарегистрированы как «граждане бывшего СССР», соответствующие нормы законов Латвии могли быть правомерно позже истолкованы и применены в свете положений договора – нормативного акта, который был доступен заявительницам. Кроме того, заявительницы должны были предвидеть в разумной степени – по крайней мере, прибегнув к помощи юриста – что их будут считать субъектами условий договора. В любом случае, Европейский Суд не усматривает произвола в решениях латвийских судов. Соответственно, выдворение заявителек из страны можно считать «предусмотренным законом».

Принимая во внимание более широкий контекст конституционно-правовых и международно-правовых мероприятий, организованных после того, как Латвия восстановила свою независимость, от которых меры, предпринятые в отношении заявителек, не могут быть отделены, Европейский Суд допускает, что договор и меры по его имплементации имели целью оградить интересы национальной безопасности Латвии и тем самым преследовали законную цель.

Что же касается необходимости данного акта вмешательства государства в права заявителек, то следует отметить: тот факт, что договор предусмотрел вывод с территории Латвии всех российских военнослужащих, включая тех, кто был уволен с военной службы до его вступления в силу, и обязал также их семьи покинуть страну, не был сам по себе вызывающим возражения с точки зрения положений Конвенции. Действительно, можно сказать, что договор уважает семейную жизнь в том смысле, что он не вмешивается в жизнь первичной семьи. В том же, насколько вывод войск составил вмешательство в реализацию права на уважение частной жизни и жилища, то такое вмешательство нельзя считать непропорциональным, учитывая условия прохождения службы военнослужащими; в частности выезд из страны

военнослужащих, состоящих на действительной военной службе, членов их семей можно рассматривать как перевод на новое место службы военнослужащих вместе с их семьями в соответствии с общими условиями прохождения военной службы. Кроме того, продолжающееся присутствие на территории страны военнослужащих иностранной армии, состоящих на действительной военной службе, могло бы быть расценено как явление несовместимое с суверенитетом независимого государства и как угроза национальной безопасности страны. Общественный интерес в выпроваживании их и их семей из страны поэтому естественно перевешивает интерес индивидуума в том, чтобы остаться в стране.

Однако нельзя исключать, что определенные обстоятельства могли бы превратить меры по выдворению из страны в необоснованные с точки зрения положений Конвенции. В частности, основания для высылки не применялись в той же самой степени к военнослужащим в отставке и членам их семей и хотя включение их в круг субъектов действия условий договора само по себе не вызывает возражений, интересам национальной безопасности в случаях таких лиц придавалось меньше внимания. В настоящем деле, тот факт, что муж первой заявительницы уже уволился из армии ко времени производства по делу о законности пребывания заявительниц в Латвии, не имел никакого значения для определения их статуса; все же, из информации, предоставленной властями Латвии о том, как разрешаются дела лиц, находящихся в тяжелом положении, следует, что власти считали, что у них была определенная свобода принятия решений, которая позволяла им гарантировать уважение к частной и семейной жизни, а также жилища соответствующих лиц.

Возможность не выполнять обязанность выехать из страны распространялась не только на лиц, обладающих латвийским гражданством, но явно распространялись и на других жителей Латвии; при этом дела такого рода разрешались индивидуально в каждом конкретном случае. Похоже, что в этом контексте латвийские власти не изучали вопрос, представляет ли каждый человек, затронутый исключением из правила, какую-либо конкретную угрозу национальной безопасности Латвии или общественному порядку в стране. При этом понятие общественного интереса воспринимается в самом общем смысле.

Затрагиваемые данным делом планы вывода войск иностранного государства и выезда за пределы страны членов семей военнослужащих, основанные на общем суждении о необходимости их высылки в интересах национальной безопасности Латвии, не могут сами по себе признаваться противоречащими положениям Статьи 8 Конвенции. Однако применение такого плана без использования возможности учета индивидуальных обстоятельств лиц, не освобожденных от высылки нормами внутрисударственного права, противоречит требованиям данной Статьи.

В настоящем деле, хотя заявительницы являются лицами нелатвийского происхождения и проживали в Латвии в связи с прохождением военной службы членов их семьи в Советской Армии, они развили личные, общественные и экономические связи в Латвии, не имеющие отношения к их статусу родственников советских (впоследствии российских) военнослужащих. Европейскому Суду не было продемонстрировано, что уровень владения заявительницами латышским языком был недостаточен, чтобы вести нормальный повседневный образ жизни в Латвии. Поэтому Европейский Суд пришел к выводу, что в период времени, фигурирующий в настоящем деле, заявительницы в достаточной мере были интегрированы в латвийское общество. Наконец, заявительницы не могли считаться лицами, угрожающими национальной безопасности Латвии, ввиду того, что они были членами семьи отца первой заявительницы, бывшего советского офицера, который ушел в отставку в 1986 году, оставался в стране и которого латвийские власти не считали представляющим

какую-либо угрозу такого рода. При любых обстоятельствах выдворение заявителек с территории Латвии не может считаться необходимым в демократическом обществе.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу о том, что по делу допущено нарушение положений Статьи 8 Конвенции (принято 11 голосами «за» и 6 голосами «против»).

По поводу Статьи 14 в увязке со Статьей 8 Конвенции. Европейский Суд счел, что нет необходимости рассматривать данный пункт жалобы.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу о том, что нет необходимости рассматривать дело в контексте Статьи 14 в увязке со Статьей 8 Конвенции (принято 11 голосами «за» и 6 голосами «против»).

По поводу подпункта «f» пункта 1 Статьи 5 Конвенции. В настоящем деле не оспаривалось то обстоятельство, что распоряжение о содержании заявителек под стражей было отдано в контексте производства об их депортации, которое в соответствующие дни все еще велось. Кроме того, нельзя сказать, что это производство не велось властями с должным тщанием.

Что же касается вопроса, было ли заключение заявителек под стражу «законным» и были ли заявительницы лишены свободы «в порядке, установленном законом», то следует заметить: хотя миграционные власти сочли, что производство задержания заявителек было «преждевременной» мерой, наличие определенных дефектов в постановлении о заключении человека под стражу необязательно влечет за собой признание содержания под стражей незаконным, в частности если – как в настоящем деле – предполагаемая ошибка немедленно обнаруживается и заглаживается тем, что взятые под стражу лица освобождаются. Более того, точка зрения миграционных властей необязательно является корректной, поскольку распоряжение о высылке уже вступило в законную силу и стало очевидным, что в распоряжении заявителек больше не было никаких иных средств правовой защиты, необходимых для предотвращения их выдворения из Латвии. Важно отметить в этом отношении, что по «жалобе» заявителек миграционные власти никаких действий не предпринимали. Ни один из ордеров на производство задержания, выданных полицией в отношении заявителек, не может считаться не имеющим обоснования в законодательстве страны. Более того, нет никаких доказательств того, что полицейские действовали недобросовестно или чинили произвол при выдаче этих ордеров. Из вышесказанного следует, что содержание заявителек под стражей соответствовало требованиям подпункта «f» пункта 1 Статьи 5 Конвенции.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу о том, что по этому вопросу положения подпункта «f» пункта 1 Статьи 5 Конвенции нарушены не были (принято 16 голосами «за» и 1 голосом «против»).

По поводу пункта 4 Статьи 5 Конвенции. Заявительницы были быстро освобождены из-под стражи до того, как могла бы быть приведена в действие процедура какой-либо судебной проверки законности их заключения под стражу. При этом предметом требований пункта 4 Статьи 5 Конвенции не являются средства правовой защиты, которые могут служить целям проверки законности заключения

человека под стражу на какой-то период времени, который уже завершился, включая, в частности, краткосрочное заключение под стражу, каковое имело место в настоящем деле.

Постановление

Европейский Суд пришел к выводу о том, что нет необходимости рассматривать дело в контексте пункта 4 Статьи 5 Конвенции (принято единогласно).

Компенсация

В порядке применения Статьи 41 Конвенции. Европейский Суд присудил выплатить каждой заявительнице компенсацию в размере 10 000 евро в возмещение морального вреда.